

Хэ Гу на мгновение опешил, осознав, что Старшая принцесса была совершенно права.

Тогда, на улице, он заприметил её лишь мельком, но этого мига хватило, чтобы образ её врезался в память. Его нынешняя влюбленность на девяносто девять процентов питалась лишь воспоминанием о тех прекрасных глазах.

Разумеется, он не раз с любопытством гадал: если одни только глаза могут быть настолько пленительны, то какой же неземной красоты должно быть всё лицо? Как гласит поговорка: «Семь долей красоты таятся во взгляде». Раз уж взор принцессы был столь дивен, то и всё остальное не могло подкачать. К тому же нынешний император в молодости слыл красавцем, а императрица и вовсе была первой красавицей столицы — разве у такой четы могла уродиться «дурнушка»?

Но как бы Хэ Гу ни размышлял об этом, он не был глуп и никогда бы не признался в подобных мыслях вслух. Если он подтвердит, что влюбился лишь в лицо, такая начитанная и благородная особа, как принцесса, сочтет его поверхностным и пустым. А тогда — пиши пропало. Хэ Гу понимал: есть моменты для честности, а есть — для благоразумия. К тому же, разве можно было упустить такой шанс сказать что-то романтическое?

Он прочистил горло и произнес с приторно-нежной интонацией:

— Как бы ни выглядело Ваше Высочество, в моем сердце вы всегда — прекраснее всех на свете.

Принцесса:

— ...

Хэ Гу продолжил:

— Раз уж румяна вы не приняли, у меня есть для вас кое-что еще.

Принцесса немного помолчала, словно опасаясь новой каверзы, и наконец спросила:

— ...Что на этот раз?

Хэ Гу выудил из рукава аккуратно сложенный листок дорогой бумаги «снежинка», встряхнул его, разворачивая, и на ладони протянул принцессе.

У Пэй Чжаохэня непроизвольно дернулось веко. Помешкав, он всё же взял тонкий листок и вчитался. Почерк был свободным, но изящным. Ровными строчками на бумаге было выведено любовное стихотворение — настолько «кислое» и слащавое, что сводило зубы. Было очевидно, что юный хоу сочинил его сам, и талант его в поэзии оставлял желать лучшего. Если и было в этих стихах какое-то достоинство, так это их крайняя сдержанность: ни единого дерзкого или непристойного слова — на первый взгляд всё выглядело вполне благопристойно.

Принцесса:

— ...

Видя её молчание, Хэ Гу не решился спрашивать, хороши ли стихи. Да он и не собирался этого делать — любовная лирика ведь не государственный экзамен, здесь не нужно бороться за первое место. Главное — передать чувства тому самому человеку.

Он сухо кашлянул:

— Ваше Высочество, помимо этих двух подарков, я хотел бы кое о чем вас попросить.

Принцесса оторвала взгляд от стихов:

— О чем же?

Хэ Гу собрался с духом и с надеждой, но со всей серьезностью спросил:

— Могу ли я называть вас по имени?

Принцесса явно опешила:

— По какому имени?

«Пан или пропал», — решил Хэ Гу. Если сейчас не проявить решительность, все труды этого месяца пойдут прахом. Он выпрямился и на одном дыхании, звонко и уверенно выпалил:

— Сестрица Юй-эр!

— ...

Заметив, что выражение её лица изменилось, Хэ Гу занервничал. Решив, что напугал её, он засуетился, потирая руки:

— Я знаю, это звучит слишком фамильярно. Поэтому я и ждал целый месяц, хотел, чтобы мы привыкли друг к другу, прежде чем просить об этом. Просто мне кажется, что вечные «Ваше Высочество» да «наследник Хэ» — это как-то чересчур официально... Кстати, сестрица тоже может называть меня по имени-прозвищу.

Пэй Чжаохэнь слушал, как этот юноша всего в пару фраз умудрился вставить и «мы с тобой», и «сестрица», и под вуалью его губы невольно дрогнули.

Хэ Гу тем временем продолжал:

— Моё второе имя — Цзыхуань. Называйте меня просто Цзыхуань, не нужно этой церемонности. Ваше Высочество... так можно?

Договорив, он уставился на принцессу сияющими, полными надежды глазами.

— ...

Пэй Чжаохэнь и сам не понимал, что с ним происходит. Ему следовало бы отказать, но, глядя в эти преданные глаза юного хоу, он почувствовал, как заготовленные слова застряли в горле. Ему стало просто по-человечески жаль отказывать Хэ Гу.

В душе он вздохнул. С того самого дня, как он пообещал матери согласиться на брак, Пэй Чжаохэнь чувствовал вину перед этим юношей. При их первой встрече он был на коне, а Хэ Гу — в толпе на обочине. Даже через пол-улицы Пэй Чжаохэнь сразу выделил его: лицо юноши еще хранило детские черты, но взгляд был живым и озорным, а в разговоре с друзьями он так и лучился энергией. Однако Хэ Гу выходил из «веселого квартала», и Пэй Чжаохэнь лишь с горечью подумал: «Очередной золотой мальчик, красивый снаружи, но пустой внутри». Ему просто стало немного жаль.

Поэтому в покоях императрицы он сразу узнал Хэ Гу на портрете. Но до самого конца отбора он считал наследника Чанъян-хоу обычным повесой, прожигающим жизнь. Лишь после испытаний он понял, как ошибался. Помимо блестящего владения луком и конем, Хэ Гу оказался не обделен и литературным даром — пусть его слог не был цветистым, зато мысли излагались точно и кратко. За годы учебы Пэй Чжаохэн натерпелся от вычурных, пустых текстов, поэтому работа Хэ Гу стала для него глотком свежего воздуха.

Было ясно: наследник Хэ вовсе не невежда. Но почему он добровольно отказался от карьеры ради титула фума? А этот месяц в Академии... Хэ Гу явно не смыслил в светских приличиях и за месяц умудрился перессориться со всеми учениками, но в глазах Пэй Чжаохэня эта прямота была скорее достоинством. А уж его рвение к учебе и вовсе вызывало уважение.

Каждый раз, когда наставник объяснял сложную тему, на следующий день Хэ Гу являлся с темными кругами под глазами, но отвечал на любые вопросы без запинки. Было ясно — он трудился до глубокой ночи.

Чем больше Пэй Чжаохэнь узнавал в этом юноше талантливую и прилежную человека, тем сильнее становились его жалость и раскаяние. Ему казалось, что он крадет будущее Хэ Гу.

Именно поэтому он не смог отказаться.

— Называйте меня так, как вам угодно, — тихо произнес он после долгого молчания.

Хэ Гу, который уже приготовился к худшему, мгновенно просиял. Тучи на его лице рассеялись, и он улыбнулся так лучезарно, словно наступила весна:

— Спасибо, Ваш... ах, спасибо, сестрица Юй-эр!

Пэй Чжаохэнь:

— ...

Исполнив заветную мечту называть принцессу по имени, Хэ Гу решил, что цель на сегодня достигнута. Он уже собирался позвать Чжэнъе и откланяться, но вдруг что-то вспомнил. Выудив из рукава наполовину завядший светло-красный цветок камелии, он, не дав опомниться опешившему «Вашему Высочеству», встал на цыпочки и воткнул его в прическу принцессы.

Не смея смотреть на её реакцию, он с покрасневшим лицом пробормотал:

— Красивый цветок. Дарю сестрице Юй-эр!

С этими словами он отвесил быстрый поклон и со всех ног бросился к ждавшему его Чжэнъе.

Пэй Чжаохэнь замер как вкопанный.

Ланьшу, увидев, что господа попрощались, поспешила подойти к принцессе. Но не успела она сделать и пары шагов, как увидела завядшую камелию в волосах господина. Несмотря на всю свою выдержку, она не сдержалась и прыснула от смеха. Поймав на себе взгляд Пэй Чжаохэня, она тут же зажала рот рукой и изо всех сил постаралась вернуть себе серьезный вид.

Пэй Чжаохэнь стоял под деревом. Пятна солнечного света дрожали на его плечах, но он не

шевелился, провожая взглядом фигуру юного хоу и его слуги, пока те не скрылись за поворотом дороги. Лишь тогда он поднял руку и вынул цветок из волос.

Ланьшу стояла поодаль, коря себя за то, что проявила такую непочтительность. Господин всегда был строг и серьезен, и она боялась, что её смех его разгневает. Но винить её было сложно... ведь это и впрямь было невыносимо смешно!

О том, что под маской Старшей принцессы скрывается Третий принц Пэй Чжаохэнь, знали считанные единицы: император, сам принц, няня Ли из дворца Чжиян, евнух Ван и она, Ланьшу. Она прекрасно знала, что Пэй Чжаохэнь, хоть и носит женское платье много лет, остается мужчиной. Он никогда не пользовался косметикой и уж тем более не втыкал цветы в прическу.

Ясно было, чьих это рук дело.

Третий принц проявил к этому юному хоу поистине безграничное терпение — позволил ему такую дерзость и отпустил с миром. Ланьшу украдкой взглянула на господина: он не выглядел сердитым. Он лишь задумчиво вертел цветок в руках, глядя на помятые лепестки. О чем он думал — оставалось загадкой.

— Ланьшу, — наконец позвал он.

— Я слушаю, Ваше Высочество.

Ей показалось или в его голосе прозвучала неуверенность? Он помедлил, словно не решаясь спросить, и наконец выдал:

— Этот цветок... он мне идет?

Ланьшу: «...»?

Служащие Ведомства внутренних дел работали быстро, а под бдительным взглядом императрицы — и вовсе с невероятной скоростью. Ремонт в резиденции принцессы закончился на месяц раньше срока.

Как только дворец был готов, император на утреннем приеме упомянул о свадьбе дочери. Ведомство астрономии, уловив волю монарха, тут же подготовило список благоприятных дней. Государь, недолго думая, ткнул в самый ближайший.

Раз дата была выбрана, указ не заставил себя ждать. Вскоре после завершения совета евнух Ван с торжественным видом покинул дворец, неся в руках указ о назначении наследника Чанъян-хоу Хэ Гу фума-дувзем и его бракосочетании с первой дочерью императора — Циньюй, Старшей принцессой. Свадьба была назначена на двадцать пятое число шестого месяца.

<http://bllate.org/book/15879/1617454>